СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ
18+
МАША МАЛИНОВСКАЯ
Ты
НЕ СБЕЖИШЬ

Со стеклом. В ритме чувств

Маша Малиновская

Ты не сбежишь

«Автор»

2020

Малиновская М.

Ты не сбежишь / М. Малиновская — «Автор», 2020 — (Со стеклом. В ритме чувств)

Он – когда-то был трудным ребёнком, и с годами ничего не изменилось. Его жизнь – череда импульсивных решений и громких гитарных рифов. Она – мамина-папина дочка, которая видела только успех рассказанных на табуретке стишков и награды на полочках. Ей стоит бежать от него так далеко и так быстро, как только возможно. Пока его одержимость не сорвала её розовые очки, втоптав девичьи воздушные мечты в грязь. Но, кажется, уже слишком поздно, и шаг к острию лезвия сделан… Содержит нецензурную брань.

© Малиновская М., 2020
© Автор, 2020

Содержание

Пролог 5
Глава 1 6
Глава 2 10
Глава 3 13
Глава 4 16
Глава 5 20
Глава 6 23
Конец ознакомительного фрагмента. 24

Маша Малиновская
Ты не сбежишь

Пролог

Настенные часы тикают слишком громко. Если зажмурить один глаз, то край стрелки как раз посреди головы отца. Торчит из лысой башки.

Ах да. Отец.

– Ты меня вообще слушаешь, Влад? – он привстаёт со своего кожаного кресла, нависая над массивным столом. – Ты под кайфом, что ли?

– К сожалению, нет.

Закидываю руки за голову, потягивая мышцы, и откидываюсь на спинку кресла.

– Да твою ж мать! – мне в рожу прилетает стопка каких-то бумаг. Папочка разозлился. – Смотри на меня, когда я с тобой разговариваю!

– Мою мать ты не знаешь, – отвечаю как можно спокойнее, оставаясь в расслабленной позе.

– Влад, – отец говорит приглушённее и устало усаживается обратно в кресло. – Ты вообще человек? Ты понимаешь, что так нельзя, что нормальные люди себя так не ведут. Почему ты такой?

Хороший вопрос от того, кто меня таким сделал.

– Что же ты творишь, сын? – «сын». Ну да. – Она же совсем девочка была ещё. Мне как теперь людям в глаза смотреть-то?

– А тебя только это волнует? Что о тебе скажут, да? И, кстати, ей уже было восемнадцать. – скручиваю самолётик из одного из листков, что отец швырнул в меня, и запускаю ему прямо на стол. Точное попадание. – Я спрашивал.

– До или после, позволь поинтересоваться? – ехидничает, а самого аж трясёт. Ну вот и хорошо, говорят, иногда стресс в пользу. Тренировка сосудов и всё такое.

– Во время.

Надоело. Этот трындёж можно слушать бесконечно, а у меня репетиция через час. Поздно уже мне морали читать. И воспитывать поздно. Надо было самому этот процесс контролировать, а не спихивать на тех, чьей целью было сделать из маленького ребёнка робота. Ещё и платить за это с такой щедростью.

А теперь всё. Аривидерчи, папаша. Крыша съехала и накрыла собой слишком многих. В том числе и Принцессу. На ней, кстати, окончательно и съехала. Блядь.

Глава 1

Меня переполняют эмоции! Классно-классно-классно! Я так давно хотела попасть в клуб, и… всё ещё клёвее, чем мне представлялось. Здесь всё так ярко, весело, драйвово. Разноцветные круги причудливо бегут по стенам, полу, по столикам, расположенным по периметру, и по лицам людей. Громкая музыка закладывает уши и отдаётся где-то то ли в груди, то ли в животе. Настроение бьёт по отметке «максимум».

– Фух, – тянет Машка и умащивается рядом на барный стул. – Думала опоздаем.

Рассматриваю светящуюся на запястье печать. Прикольно как, оказывается: тут, при ультрафиолете, её видно, а на свету обычном, в фойе, нет. Она такая яркая, что мне хочется по-детски её лизнуть, вдруг сладкая на вкус. Но я, разумеется, этого не делаю. Уже взрослая так-то девочка. Позавчера восемнадцать исполнилось, и родителям пришлось отпустить меня с Машей в клуб – обещанный подарок. Папа очень переживал и дал кучу наставлений, а вот мама радовалась. Помогла завить мне волосы на концах по-модному и похвалила аккуратные стрелочки, которые у меня получилось вывести на веках. Пару раз щёткой с тушью по ресницам и причесать брови, и я красотка, готовая к своему первому походу в ночной клуб. Потом ещё, уже у Машки дома, мазнула по губам вишнёвым блеском. Прям кайф как ярко получилось и непривычно. Но тут, в клубе, я поняла, что мой макияж вполне себе скромный, когда увидела девушек с тоннами хайлайтера и теней. Такое ощущение, что это сценический грим, а не вечерний макияж.

Но да и ладно, это их дело. А моя задача сделать первый свой поход в ночной клуб незабываемым.

– Тебя родители не прибьют за запах алкоголя? – округляет глаза Машка, когда бармен вручает мне стакан джин-тоника.

– Зажую жвачкой.

На самом деле мне дико страшно. И интересно. Мне же уже восемнадцать, хочется попробовать и алкоголь. Ну хотя бы немного. Его же в джин-тонике совсем чуток. Я читала в интернете.

Внезапно во всём зале гаснет свет и вырубается музыка. Откровенно говоря, я пугаюсь. Мало ли что. Вдруг сейчас сюда как в кино ворвутся полицейские с криками «Наркоконтроль!» или бандиты захватят, или… Но тут вокруг сцены, сделанной как нос корабля, начинает клубиться разноцветный дым, свет мерцает резкими вспышками, даже голова немного начинает кружиться. Лучи света опускаются сверху на сцену, освещая группу танцоров. Зрелищно, ничего не скажешь.

Машка пищит вместе с остальным народом. Она так хотела попасть сюда именно сегодня, потому что этим вечером тут обещали шоу её любимых исполнителей – всем известной в нашем городе танцевальной студии «New dance» и музыкальной группы, от которой Маша уже второй год с ума сходит. Она мне один раз включала на телефоне, но я как-то не впечатлилась, если честно. Шумно, громко. Машка тогда ещё надулась, что я даже до куплета не дослушала, всё пыталась уговорить послушать в наушниках, потому что вроде как по-другому не оценить их творчество, и мне не зашло потому, что на динамике телефона такое не звучит.

Однако к музыке у меня своё отношение. Моя преподавательница по классу скрипки говорит, что нельзя засорять слух всякой чушью, потому что классическому музыканту, а в особенности скрипачу, очень важно чувствовать мелодию на тончайших вибрациях. Ну, признаться, в последнее время меня эти вибрации уже слегка задолбали. Я не отношусь к ярым почитателям классики, да и вообще сильно увлечённой инструментом себя не считаю. Когда-то дедушке очень нравилось, что я играю, вот я и играла. А сейчас под настроение. А вот попсу современную послушать могу, такую, где перепонки барабанные не выносит.

Потом за танцорами становятся видны музыканты, от которых отделяется их солист и выходит в самый нос сцены-корабля.

– Смотри-смотри, Лерка! Это Миииикс! Влааааад! – Машка вопит с сотней остальных посетителей. А может и больше, чем сотней. – Пошли!

Она сдёргивает меня за руку и тащит к сцене, но туда сейчас реально не пробиться.

– Блииин! – страдает Машка. – Я так хотела увидеть его ближе.

Ей приходится громко кричать мне на ухо, потому что после тихого вступления на присутствующих обрушивается громкая, просто выносящая перепонки музыка. И я с удивлением для себя самой замечаю, что она не вызывает во мне отторжения. Наверное, несколько глотков джин-тоника уже подействовали, потому что вся эта атмосфера эйфории начинает пропитывать и меня. Музыка набирает ритм, но становится чуть проще, когда солист подносит микрофон ко рту и начинает петь. Даже не петь, в какой-то степени вести своеобразный диалог с публикой. Но уже с первых звуков я понимаю, о чём мне столько твердила Маша. Голос у этого парня и правда невероятный. Не хриплый, не низкий, но и не высокий. Какой-то странно вибрирующий и отдающий этими вибрациями за грудиной. Мне даже захотелось прикоснуться к грудной клетке, почувствовать, что там ничего не изменилось. Неужели это на меня так алкоголь подействовал? А родители пугали, говорили, это неприятно…

Парень замолкает, когда начинается проигрыш, и поднимает руки вверх, немного отходит, пока по сцене расходятся танцоры и начинают вытворять нечто немыслимое. Поразительно. В музыкальной школе я видела репетиции хореографов, и это было нечто совсем иное. Мне кажется, я даже не дышу, когда сцену и зал заливает то красным, то зелёным светом. Шоу и правда невероятное.

Танцоры вдруг бросаются вроссыпь, и на середину снова выходит солист. Он стоит по самому центру, широко расставив ноги и тихо читает речитативом, а потом песня взрывается его протяжным глубоким голосом. Кажется, что поёт не для публики, хотя она дышит им сейчас. Смотрит куда-то вверх, крепко сжимая микрофон.

Толпа подаётся ещё ближе к сцене, увлекая и нас с Машкой, и в ярком луче света у меня получается рассмотреть его. Он очень высокий, крепкий, одет в чёрное, а на футболке красуется огроменный контурный белый фак. Лицо разрисовано чёрными полосами. Я замечаю необычную деталь его костюма – широкие кожаные браслеты, от каждого из которых свисает по несколько крупных звеньев цепи. Будто он только-только сорвал кандалы.

Внезапно моё одурманенное джин-тоником и голосом солиста сознание возвращается в тело, потому что ногу пронзает острая боль. Ах ты ж! Больно как!

– Извини! – кричит на ухо какая-то девушка, которая почти вонзила мне в ступню свою шпильку.

И это извини чисто формальное. Она даже не глянула на меня!

Приподнимаю пострадавшую ногу, пытаясь ослабить давление в ней, и хватаюсь за Машку.

– Эй, ты чего? – она поворачивается как раз, когда номер на сцене заканчивается, а свет гаснет, продолжая лишь всполохами световых пушек поливать толпу.

Снова звучит клубная музыка, народ расползается кто к своим столикам, кто остаётся на танцполе. Ребята на сцене сейчас дали бешеный заряд. Они скрылись в темноте за сценой, а настроение осталось витать в зале.

Мы с Машей тоже выползаем в фойе, чтобы посмотреть, не проткнула ли эта Мисс Копыто мне кожу. Обработать же надо, если что.

Но присмотревшись через чёрный капрон колгот, я ничего не обнаруживаю, лишь прикладываю охлаждённые в ледяной воде в туалете ключи.

Даже сюда, к кабинкам туалета, слышно, что в зале снова начинает что-то происходить. Наверное, шоу продолжается.

– Лер, давай скорее, – хнычет Маша. – Там «Wet rain» уже опять на сцене.

– «Wet rain»? – хихикаю, подсовывая руки под автоматическую сушилку. – Мокрый дождь? Кто вообще придумывает такие названия?

– Ничего ты не понимаешь! – Маша нетерпеливо заталкивает блеск для губ в сумочку и поправляет волосы. – Это как протест очевидности. Их философия.

– Протест очевидности… Ага. Абсурдная глупость, я поняла.

– Пойдём уже!

Мы снова возвращаемся в зал, когда песня уже заканчивается. Машка разочарованно стонет и усаживается на свободный барный стул у стойки.

– Маш, – взбираюсь на соседний, немного оттягивая платье вниз, – ну не ограничатся же они двумя песнями. Скоро ещё выступит твой «Водяной дождь».

– Не водяной, а мокрый!

Потом на сцене показывают несколько номеров танцоры. И сказать можно только одно – вау! Особенно по поводу того симпатичного парня, что солирует и всегда впереди.

– Я слышала, его зовут Максим. Хорошенький, правда? – Маша хитро улыбается и жеманно прикусывает губу.

С Машуней мы дружим с самого детства. Она добрая, весёлая, открытая и очень любит помечтать. Сколько помню, она была безумно влюблена в Джастина Бибера, страдала по Джареду Лето, а потом даже вздыхала по Прилучному. Правда, по последнему недолго. И теперь вот уже в третий раз за последние десять минут спросила, как же мне Влад Миксаев.

А как он мне? Он звезда. Обожаемый певец. Очевидно, что очень талантлив. А ещё он странно влияет на людей. Точнее, его голос.

«Wet rain» исполняют ещё несколько композиций, заставляя каждую проживать нутром. Не могу на слух определить, сколькооктавный голос у этого Микса, но диапазон явно широк. Потому что он то режет на речитативе, то выходит на полнозвучный крик, то вдруг становится вязким и тягучим на предприпевах. Надо будет обязательно послушать их песни.

Диджей объявляет последнюю композицию от «Wet rain», и Машка хватает меня за руку и волоком тащит, чтобы успеть ближе к сцене. И так получается, что мы оказываемся у самого её края.

Солист выходит в центр и начинает низко тихо напевать, постепенно повышая голос и вытягивая слова. Я зачем-то отмечаю лёгкую назальность в его голосе, и это красиво. А потом происходит просто невероятный взрыв. Он отрывисто выкрикивает, и музыка обрушивается на присутствующих невероятной мощью. Парень на сцене поднимает руки, словно управляет толпой. А ведь так и есть. Его мощная энергетика порабощает, заставляя двигаться в такт его голоса. Яркие вспышки страбоскопа превращают толпу и его самого в череду ярких картинок, дезориентируют и… возбуждают. Это транс. Точно. Гипноз в чистом виде.

Я почему-то фиксирую своё внимание на том, как он держит микрофон, как его пальцы обхватывают ручку, сжимают крепко. Как он проворачивает его и берёт в другую руку. Не знаю почему, но у меня от этого проходит дрожь по спине.

И тут я осознаю одну вещь. Не только я пялюсь на этого Влада. Он тоже смотрит на меня. Прицельно. Прямо со сцены. Колени становятся какими-то ватными от столь пронизывающего взгляда.

Конечно, это сценический образ, и сейчас он окатит этим морозом другую девушку из толпы фанаток. Но… он так и продолжает смотреть. Сверлить во мне дыру, не стесняясь. Народ вокруг уже начинает посматривать на меня странно.

А я словно действительно под гипнозом, не могу отвести взгляд, я даже уже не танцую. Просто застываю, ощущая странные вибрации за грудиной от его голоса и этого взгляда. Сморгнуть бы, стряхнуть, да не выходит. И во рту пересохло.

Солист выкладывается на полную, видно, как его плечи блестят от влаги. Интересно, эти татуировки называются кельтскими? Или скандинавскими? И почему я вообще думаю об этом? Он подходит к самому краю сцены, и мне хочется сделать несколько шагов назад. Но толпа настолько плотная, что даже пошевелиться не получается. Затаиваю дыхание, когда он присаживается на корточки. Вокруг визг и крики. Кажется, я даже слышу что-то типа «Возьми меня, Влад!»

Его лицо буквально в метре от меня, и даже в мерцающем свете клуба я замечаю, что его глаза чёрные как ночь. Мрак. Тьма, обращённая прямо на меня. И тут происходит нечто неожиданное. Парень протягивает руки вперёд. Я и вздрогнуть не успеваю, как он подхватывает Машу под мышки и рывком вытаскивает на сцену.

Она пищит и смеётся, а я столбенею. Певец швыряет в толпу микрофон, забрасывает Машку на плечо и… просто уходит. Свет на сцене гаснет, диджей что-то восторженно говорит и объявляет продолжение дискотеки, а я растерянно оглядываюсь по сторонам, пытаясь понять, в какой же стороне теперь искать Машу.

Глава 2

Толпа вокруг смыкается. Основная масса людей остаётся танцевать, кто-то же расходится к столикам или к бару. А я чувствую себя абсолютно растерянной.

Что только что произошло? Певец просто выдернул с танцпола мою подругу и утащил куда-то во тьму. Это вообще как? И что теперь делать?

Чувствую холодок в груди от страха за Машку. А вдруг они её там обидят? Что вообще за шутки такие идиотские? И что теперь мне одной делать? Не брошу же я её. Да и что родителям скажу? Маша должна была ночевать у меня, и мне сказать родителям, что солист музыкальной группы утащил Машку за сцену и больше я её не видела? А её маме я как это сообщу?

Глупости. Скорее всего, этот Микс сделал это для зрелищности, чтобы впечатлить толпу. И Машу они уже отпустили. Надо ей позвонить!

Но звонить некуда. Точнее не на что. Она не хотела тащить свою сумочку, поэтому закинула телефон и ключи в мою.

Встряхиваю головой, прогоняя ступор, в который меня погрузил этот тип со сцены. Надо найти Машу.

Ты взрослая, Лера, тебе уже восемнадцать. Даже в клуб пришла. Так что включай мозг и думай.

Проталкиваясь через толпу танцующих, иду вдоль ребра сцены. Парень ушёл куда-то вглубь. За сценой или на ней самой должны быть двери, ведущие в подсобные помещения. Гримёрки там всякие, раздевалки. Или где ещё готовятся к выступлениям артисты.

Так и есть. За сценой замечаю светящуюся у пола полосу. Направляюсь туда.

– Девушка, вы куда? – передо мной вырастает огромный охранник, которому я как раз носом утыкаюсь в широченную грудь. – Это помещения для персонала, сюда нельзя.

– Извините, я ищу подругу. Её утащил певец со сцены.

– Наверное, вам уже не стоит ждать её сегодня, – он криво усмехается, а мне становится ещё страшнее за Машку.

Пока я лихорадочно соображаю, что делать, парня вызывают по рации, и он немного отходит, потому что мы стоим почти под колонками, и ему не слышно, что там говорят. А я, недолго думая, ныряю за тяжёлую тёмную штору и оказываюсь в длинном, слабо освещённом приглушёнными лампами дневного света, коридоре. Интенсивность грохота басов тут значительно ниже.

Свет хоть и приглушённый, но всё равно приходится сначала зажмуриться. После темноты и разноцветных вспышек зала клуба зрению тут непривычно. И вообще, после гламурной феерии сюда как в зазеркалье попала.

Коридор прямой, виднеется несколько дверей по бокам. Я аккуратно толкаю первую – заперто. Прислушиваюсь. Тишина. За следующей дверью обнаруживаю кладовку с инвентарём, дальше небольшой склад с мебелью. Дохожу до угла и сворачиваю.

И тут наталкиваюсь на него.

Парень стоит, опёршись спиной на стену. Руки в карманах джинсов, затылок откинут, глаза закрыты.

Я резко торможу и застываю. Гул собственных быстрых шагов замирает в пустынном коридоре. Влад медленно открывает глаза и поворачивается ко мне, не отрывая голову от стены. Смотрит несколько секунд, медленно скользя до самых туфель и обратно. Потом расслабленно, лениво, словно хищник, отталкивается от стены и встаёт на ноги ровно.

– Кого-то ищешь? – спрашивает негромко, чуть прищурив глаза. Чёрные полосы грима, что были на его лице, уже стёрты, но тяжёлый, придавливающий к полу взгляд именно такой, как я тогда ощутила со сцены.

– Подругу, – говорю несвойственным мне голосом. Хриплым каким-то. – Где она?

– Я должен это знать? – насмешливо поднимает бровь.

Он действительно высокий. Там на сцене мне не показалось. Парень складывает руки на груди, и я отмечаю, как вздыбливаются у него на плечах мышцы, покрытые татуировками.

– Ты утащил её, – тоже складываю руки, зеркаля его жест. – А нам уже пора домой.

– Сказка на ночь и в кроватку? – мне его издевательский смешок совершенно не нравится.

– Типа того, – отвечаю резко.

Миксаев делает шаг по направлению ко мне, обволакивая своим чёрным взглядом. Не знаю, не могу точно передать, откуда появляется это ощущение. Я каменею, будто кто-то впрыснул мне нейротоксин. Мышцы сковывает, а в голове интуитивным импульсом загорается красная лампа: «Беги!»

Моя суеверная бабушка бы сказала, что у него чёрная аура. Тяжёлая, давящая. Свинцовая.

С большим трудом смаргиваю сгущающийся морок и делаю шаг вперёд, пытаясь его обойти в узком пространстве коридора. Но он делает свой в ту же сторону, перекрывая проход.

– Где Маша? – начинаю злиться. Парень стоит слишком близко, и меня это нервирует.

– Маша, – криво ухмыляется. – Была твоя – стала наша.

Да пошёл ты. Избалованный говнюк, привыкший ко всеобщему обожанию.

– Отвали, – пытаюсь протиснуться. – Придурок.

Выражение лица его резко меняется с насмешливо-расслабленного на злое.

– Слышишь, Принцесса! – он хватает меня за локоть и больно сдавливает, отчего я испуганно охаю. – Не сильно ты борзая?

– Руки убери! – пытаюсь говорить твёрдо, очень надеясь, что мой голос не слышится мышиным писком.

Но если честно, мне страшно. Очень. Этот парень пугает и вгоняет в ступор.

Ещё страшнее становится, когда Миксаев толкает меня к противоположной стене и подходит совсем вплотную.

– Я не понял, – говорит тихо, но от этой зловещей приглушённости тело пробирает до мурашек. – Ты чего хамишь, девочка? Нормально же общались.

– По-твоему, утащить девушку – это нормально?

– Так ей понравилось. А ты обиделась, что ли? Что не тебя.

– Больно надо было, – со стыдом и ужасом понимаю, что у меня начинает дрожать подбородок. Не хватало ещё расплакаться тут перед этим козлом. – Я просто хочу найти Машу.

Внезапно на его лицо снова возвращается скучающе-саркастичное выражение, и парень делает шаг назад.

– Ну пойдём, Принцесса, найдём твою Машу.

Он разворачивается и уходит по коридору. А я, сделав глубокий вдох, чтобы выровнять сбитое его близостью дыхание, иду за ним. Мы проходим длинный коридор, и я уже начинаю сомневаться, стоило ли идти за ним. Но где тогда мне найти Машку?

Возле одной из дверей слышу смех. Мужской и женский. Узнаю Машин. Ну слава Богу, с ней всё хорошо!

– Вот она, твоя подруга, цела и невредима. Забирай.

Миксаев открывает дверь и проходит вперёд, даже не придержав. Ну и манеры.

– Лерок! – взвизгивает счастливая как песня Машка и спрыгивает со стола, на котором сидела. – А я тут с парнями познакомилась!

Я вздрагиваю от хлопка двери за спиной. Не спешу разделять Машкину радость. Какой там, мне хоть бы дрожать не начать. Не так я представляла себе первый поход в клуб. Совсем не

хотела знакомиться с парнями из популярной музыкальной группы. И уж точно не собиралась оставаться с ними в закрытой комнате клуба, где мой крик никто не услышит.

Их пятеро. Нас двое.

Дерьмово.

Глава 3

– Знакомьтесь, это Лера – моя подруга, – щебечет Машка. – Ей пару дней назад стукнуло восемнадцать, и мы решили отметить походом в клуб.

Мне хочется стукнуть её по лбу, чтобы меньше языком ляпала. И так ситуация напрягающая, а теперь они ещё и знают, что мы не малолетки.

– Ну поздравляем, Лера, – невысокий рыжеватый парень растягивается в улыбке. – Теперь ты уже совсем взрослая.

Он бросает мимолётный взгляд мне за спину, туда, где я знаю, что стоит их солист.

– Спасибо, – отвечаю сдержанно, вежливо улыбнувшись, а потом внимательно смотрю на подругу. – Маш, пойдём, нам уже пора.

– Так быстро уходите? – отзывается стоящий рядом со столом, откуда спрыгнула Маша, светловолосый парень. – Может, не будете торопиться?

У меня начинает ощутимо сосать под ложечкой. Хочется закрыть глаза, а открыть уже возле такси. Нервы натянуты до предела, напряжение сковывает так, что аж спина болеть начинает.

– Ле-е-ер, – Машка складывает ладони в умоляющем жесте. – Ещё ведь не сильно поздно. Давай побудем немного.

Неужели она и правда не понимает? Не осознаёт, что может понадобиться от нас компании парней ночью в клубе? Они на драйве, и хорошо, если не принимают наркотики. Алкоголь уж точно, если судить по банкам из-под пива в мусорном ведре у стола. Вертит хвостом, дразнит их. Тем более, что они явно нас старше. И их целых пятеро.

– Нет, мама звонила – просила приехать пораньше, – говорю сквозь зубы, вглядываясь бестолочи в глаза. Ну давай же, включай оплавленные мозги. – Я уже вызвала такси.

Машка скисает, но слушается. Машет рукой парням. На деревянных ногах я разворачиваюсь и иду к выходу из комнаты. Сердце начинает стучать ещё быстрее, когда по мере моего приближения к двери Миксаев продолжает стоять на месте, загораживая проход.

Торможу в метре от него, и Машка едва не впечатывается мне в спину.

– Пропусти, – стараюсь говорить вежливо и спокойно, припомнив его реакцию на мою резкость. А потом ещё добавляю: – Пожалуйста.

Миксаев слегка прищуривается и смотрит несколько бесконечных секунд. В гримёрной наступает звенящая тишина. Все смотрят на него. Я понимаю, что он их лидер не только на сцене. Безоговорочный вожак. Как он скажет, так и будет. И если сейчас не отпустит, то мы пропали.

Неимоверным усилием сдерживаюсь, чтобы не опустить перед его громадной фигурой глаза. Нельзя невербально признавать себя жертвой. Это нам ещё в первые недели на курсе общей психологии в институте рассказывали. Стараюсь смотреть ему в глаза спокойно, без вызова.

– Проходите, – он отходит чуть в сторону и улыбается, только улыбка эта сценическая, она не затрагивает взгляд, которым парень продолжает морозить.

Я берусь за ручку двери, всё ещё сомневаясь, что нам дают так просто уйти. Не уверена, что дверь поддастся. Но она поддаётся, оказываясь незапертой. Я почти готова выдохнуть, когда слышу за спиной Машкин голос.

– Влад, – лопочет она с придыханием, – А можно попросить автограф?

Дура!

– Только у меня нет листочка, – сникает она.

– Не проблема, – Миксаев пожимает плечами.

Он смотрит на Машу, и я вижу, как она тает от одного только вида ямочек на его щеках, когда он улыбается.

– Держи, Микс, – один из парней группы бросает тонкий маркер.

Солист его ловит, стаскивает колпачок зубами и делает шаг к Машке. Я вздрагиваю, когда он протягивает руку и дёргает замок-змейку на груди её топа. Пальцы холодеют, сжимаясь на дверной ручке.

Машка резко выдыхает и затихает. Миксаев медленно скользит указательным пальцем от её шеи и по выпуклой груди, немного цепляет чашечку кружевного темно-синего лифчика и при этом вскидывает взгляд на меня. Секунды, но я словно обжигаюсь о горящие угли. А потом он быстрым движением расписывается на Машкиной груди и сам застёгивает топ.

– Сфоткай, пока не смылось, – подмигивает ей. – Или приходи – обновим.

Маша кивает, но как-то уже куда более тихо и скованно.

– Ну а ты, Принцесса, – кивает в мою сторону, прикусывая обратный кончик маркера и вгоняя меня в ещё большее напряжение. Ноги вот-вот подкосятся, и я рухну на пол. – Не попросишь автограф?

– Нет, спасибо.

Чувствую, как кожа на груди покрывается под платьем мурашками, стоит только представить, что он вот так притронется, как к Маше. Да ещё и на глазах у целой группы.

Пора валить. И быстро.

Беру Машу за руку и тащу за собой, не оглядываясь. Глохну от звука собственных каблуков по пустому коридору. Едва сдерживаюсь, чтобы не припустить бегом.

– Больно! – подруга выдёргивает ладонь, которую я в напряжении сдавила, но продолжает быстро идти следом.

Сквозь шум крови в ушах мне кажется, что я различаю мужской смех. Ну и пусть ржут сколько хотят, главное нам ноги унести.

Не сбавляя темпа, проходим через основной зал, ненадолго снова погружаясь в темноту и разноцветные отблески колорченжеров. Это место больше не вызывает такой эйфории. Хочется скорее уехать и оказаться в безопасном знакомом месте.

– Ты совсем дура? – не могу всё же сдержаться и набрасываюсь на Машку, когда ждём такси у стоянки. – Их было пятеро, Маша! Пятеро!

– Прекрати кричать на меня, – ощетинивается она. – Я умею считать до пяти.

– Правда? А ты посчитала, сколько раз каждый из них мог тебя…

Произнести вслух я это не могу. Слишком уж близко и реально всё это было всего несколько минут назад. Я смотрела передачи, мама неоднократно говорила, как нужно себя вести, чтобы не попадать в опасные для девушки ситуации. И вот в первый же мой поход на дискотеку я едва не вляпалась.

С облегчением выдыхаю, когда возле нас тормозит такси, и я захлопываю за собой дверь, отгораживаясь от этого места. Автомобиль трогается с места, а мне всё кажется, что стекло у виска прожигает демонический тёмный взгляд.

* * *

Влад

Погода сегодня в кайф. Даже в футболке не холодно, хоть уже и вечер, а на улице как-никак середина октября. Стою в тени козырька у чёрного входа и наблюдаю, как девчонка нервно оглядывается, передёргивает плечами и ныряет в машину. Такси отъезжает медленно.

– Ты точно всё решил? – на улицу выползает Кот и тоже закуривает. – Охоте быть?

– Ты её видел? Сам как думаешь?

Кот затыкается и вдыхает дым глубоко в лёгкие, тягой вынуждая огонёк быстро жрать бумагу. Молчит. Думает. Мыслитель херов.

– Микс, может забьёшь? Девчонка совсем мелкая. Жалко как-то.

– Кот, я не понял, – поворачиваюсь и смотрю на Игоря. Клавишник он классный, но иногда до хера правильный. – Ты теперь моя совесть?

– Я? – ржёт. – Да Боже упаси. «Твоя совесть» – вообще выражение очень метафоричное. Просто… хрен знает. Правильная она какая-то. Будто жизни не нюхала.

– Так понюхает.

– А если как с той будет?

– А я тут при чём? У девки шиза врождённая имелась. Мы просто выпустили зверька погулять, – передёргиваю плечами, вспоминая прошлогоднее приключение с прибацанной тёлкой, разворотившей нам на почве ревности студию. – Ты узнал?

– Конечно. Подружка у твоей Принцессы – находка для разведчика. Ещё бы пару минут, и она бы номера счетов предков своих слила вместе с паролями. Держи.

Кот засовывает длинные пальцы в задний карман джинсов и выуживает бумажку.

– Фамилия, имя, универ, курс, группа, название любимого кафе. Для старта хватит.

Хватит. И меньшего бы хватило, но я предпочитаю иметь информации больше.

– Идём, Влад, парни ждут. Мы сегодня с танцорами бухаем?

– Угу. Макс обещал девок привести.

Кот уходит внутрь первым, а я ещё пару минут стою, наслаждаясь свежим воздухом. Внутри жжёт эйфория предвкушения. Интересный экземпляр эта глазастая принцесса. Вкусная, наверное. Хочу попробовать.

Глава 4

Я забираюсь под одеяло и падаю на подушку, громко выдохнув. Вот это вечер.

Машка лежит рядом под вторым одеялом и тоже пялится в потолок. Молчит.

С Машей Карташовой мы дружим сколько себя помню. Одна группа в детском саду, одна парта в классе, одна специальность в универе. Мы часто остаёмся друг у друга с ночёвкой. Традиционно спим в одной постели, благо что у меня, что у неё кровати широченные. Заворачиваемся в одеяла и болтаем до середины ночи.

Но сегодня как-то разговор не идёт. Молчание затягивается, перемежаясь приглушённым дыханием.

– Лер, – всё же Маша негромко первой нарушает тишину. – Прости меня, пожалуйста. Кажется, я сегодня накосячила.

Переворачиваюсь на бок, подложив ладошки под щёку и смотрю на Машу. У неё нижняя губа немного оттопырилась, как часто бывает, если Карташова пытается не заплакать.

– Да проехали, Машунь, не ты же этому Миксу сама на плечо запрыгнула.

– Но я вела себя как дурочка. А что если бы… они правда… ну ты поняла.

– Ну, слава Богу, ничего не случилось. Хотя испугалась я прилично, если признаться. Вздумалось же тебе этот автограф попросить. Он когда кофту на тебе расстегнул, я похолодела вся, вот честно.

Маша тоже поворачивается на бок, перебрасывает светлую косу, в которую после нашего полуночного чаепития заплела модные кудри, и смотрит внимательно на меня в приглушённом свете ночника.

– Я тоже сильно струхнула на этом моменте, – а потом заглядывает под пижамную майку и растягивается в улыбке. Карташова неисправима. – Но автограф я давно хотела от него. И всё же, Лер, значит, они не такие. Хорошие. Вот не могли ребята из «Wet rain» оказаться придурками.

– Маш, придурками могли оказаться кто угодно. Кто знает. Ну вот их солист точно придурок.

– Да ладно, он классный. Слушай, – Машка переворачивается на живот и подгребает под себя подушку. – Мне кажется, он запал на тебя. Так пялился…

Внутри вспыхивает какое-то странное ощущение, и его окраску я распознать не могу. Оно и пугающее, но и немного приятное. Но больше, конечно, пугающее.

– Да не дай Бог. Меня от его взгляда дрожь пробирала. Поёт он, конечно, классно. Но когда смотрит, хочется убежать и спрятаться.

Мы обе замолкаем, каждая обдумывая сегодняшнее приключение и чем оно могло для нас обеих обернуться. А может, Маша и права, парни из группы вполне нормальные ребята, и ничего такого даже и не думали. Кто знает. Вот только этот Миксаев и правда пугающий какой-то.

Через пять минут я уже слышу, как Машка сопит, приоткрыв рот. А сама никак не могу расслабиться – сердце бьётся быстрее обычного, а мысли и картинки сегодняшнего вечера мельтешат в голове. Сама не знаю зачем, но я вытаскиваю из-под подушки наушники и телефон, захожу на страничку Карташовой в ВК в раздел музыки. У неё тут целый плей-лист «Wet rain».

Втыкаю наушники и замираю над кнопочкой «плей». Треугольник в синем кружке плеера почему-то представляется мне какой-то дверью, и если я её открою, ступив в тёмную комнату их творчества, то смогу ли выбраться обратно на свет?

Ну что за глупости, Лера? Это просто музыка, не более того.

Жму на треугольник и почему-то вся сжимаюсь. Песня начинается плавно, звучат клавишные, потом начинается спокойный мягкий бит. Когда солист начинает петь, я закрываю глаза, пытаясь вникнуть в смысл слов. Он поёт на английском, и мне приходится немного напрячься. Я неплохо знаю язык, была с папой дважды в Британии, но вот так на слух в песне боюсь что-то упустить.

Голос мягкий, тягучий, с той лёгкой назальностью, которую я заметила сегодня на концерте. Он волнует, заставляя сердце биться быстрее. И слова… То, о чём он поёт, цепляет.

Я поклялся однажды им отомстить, никогда никому из них не простить. Но однажды утихла и
смолкла боль, словно было всё не со мной.
Эта жизнь привела меня к пустоте. Я хотел, но
теперь перестал хотеть. И гнев страшный унялся, стих до тоски,
перестал зажимать в тиски.
Воскресить и воскреснуть мне не дано, краски
выцвели жизни во мне давно и росткам не взойти
ее по весне:
всё погибло в то утро с ней.
Дотянуть эту жизнь, но какая цель? И что ждёт,
если выдержать всё, в конце: радость встречи? Ещё один шанс на жизнь?
Горчит привкус своей же лжи.

Дальше звучит тихая мелодичная музыка, мягкие переливы гитарного перебора. Голос замолкает, оставляя тяжёлое послевкусие. В носу щиплет сама не знаю почему.

Нажимаю на строку с песней, и мне выбрасывает слова на английском.

Автор: Влад Миксаев.

Музыка: Влад Миксаев, Игорь Котовский.

Значит, музыку и слова они тоже пишут сами.

Потом прослушиваю ещё несколько композиций, более грубых и мощных, действительно поражаясь тому, как солист играет голосом. Он у него то низкий, почти хриплый, то бархатный, то вдруг на припеве рвёт высоко и чисто. Но в любом звучании слышны совершенно особенные призвуки, характерные именно ему.

Я слушаю песни одну за другой, а перед глазами стоит образ парня. Его взгляд, который он бросил на меня, когда касался пальцем Машиной груди. Смотрел так, будто это не Карташова перед ним была в распахнутом топе, а я.

Тяжело вздыхаю, пообещав себе, что прослушаю последнюю и спать. Время уже позднее, Машка обняла подушку и видит десятый сон. Листаю плей-лист и набредаю на странное, как по мне, для такой группы название песни – «Русалочка». Хм.

Сначала слышны перекаты морских волн, тихий шорох песка под ласковой рукой прибоя, а потом бьёт резкий гитарный риф. Манера исполнения этой песни совершенно другая. Голос звучит резко и обвиняюще:

Обещали любовь, а досталась с тоскливым воем
загрудинная боль: не утешишь и не скроешь.
Пинать гальку морскую, истаптывая ботинки,
повдоль берега путь класть по грязной воде и тине,
и искать, и искать, и, увы, не найти в итоге:

обменяла на хвост снова белые свои ноги,
уплыла, убежала, с реальностью не смирившись,
что ни капельки общего у сказок нет добрых с жизнью.
Где ты, дура морская – солёные-на-вкус-губы?
Тоска страшная, чёрная меня по тебе
Погубит…

Резко выключаю плеер, понимая, что по вискам ползут солёные капли, а тело бьёт дрожь. Мой любимый диснеевский мультфильм про прекрасную Ариэль и её идеального принца вдруг разбивается на мелкие кусочки о вариант Миксаева и стекает крупными каплями крови. Воображение рисует эту картину так живо, что дышать становится трудно.

Спокойно, Лера, это просто впечатления, а ты впечатлительная. Да, вот так. Слишком много выходящих вон событий. Стресс. Именно.

Так что лучше выбросить из головы пугающий и притягательный образ Влада Миксаева, пока он и его песни не разбили ещё какое-нибудь нежно хранимое воспоминание детства.

* * *

Утро воскресенья хмурое и тяжёлое. Машка спит почти до обеда, я тоже недалеко ушла. Просыпаюсь около десяти, но вставать абсолютно не хочется. Воспоминания вчерашнего вечера проходятся искорёженным смычком по нервам. Забыть и не вспоминать – вот и выход.

Когда Машка всё же продирает глаза, то улыбается и потягивается до хруста в позвоночнике.

– Привет, – она натягивает одеяло до самого носа. – Чего такая напряжённая? Плохо спала?

– Нормально, – почему-то не хочется делиться сейчас с Карташовой ноющей неясной тревогой в груди. Впервые не хочется.

Домработница приносит нам по чашке какао и куску пирога, говорит, что смысла завтракать моя мама уже не видит, поэтому перекус, и уже через полтора часа обед. Несмотря на паршивое состояние, я ем с аппетитом. Потом мы с Машей заканчиваем вступление к общему проекту, она вызывает такси и уезжает. Я же продолжаю заниматься, время от времени поглядывая на открытый на компьютере плей-лист. Так и не решаюсь сегодня больше слушать музыку. Вообще никакую.

В понедельник снова вылезает тёплое кубанское солнце, греет и приносит настроение. Субботний стресс сходит на нет, и я возвращаюсь к своему нормальному настроению. Заданий в университете задают много, но мне нравится учиться. И специальность моя нравится. Многие отговаривали меня идти в педагогический, потому что в профессии этой денег не заработаешь, но папа сказал идти туда, куда душа велит, ведь он всю жизнь работал для того, чтобы его единственная дочь была счастлива. А если счастье для меня – возня с малышнёй, то так тому и быть.

Папа действительно работал и работает очень много. У него своя вполне успешная фирма – крупный подрядчик в обеспечении города телекоммуникациями. И меня с самого детства растили как принцессу – лучшие игрушки, путешествия, любые капризы. Но при этом родители много говорили со мной, объясняя, что такое хорошо и что такое плохо.

Бабушка, потомственная аристократка, чем она очень гордилась, тоже очень любила меня, обожала, когда я играла на скрипке, посещала все мои концерты без исключения. С ней мы были лучшими друзьями. И я долго горевала, когда четыре года назад бабушки не стало.

И сейчас я крепко сжимаю в руке маленький золотой медальон – голубка, несущая витиеватую букву «В». Бабуля говорила, что он принадлежал её роду с 1790 года и неизменно при-

носил удачу. Обычно я храню его в шкатулке, боясь потерять, но сегодня надела, потому что именно сегодня мой первый в университете промежуточный зачёт.

Видимо, талисман древнего рода и правда работает, потому что я вытягиваю билет с вопросом, который действительно знаю лучше всего! Удивительно.

Справляюсь с заданием без предварительной подготовки, отвечаю преподавателю и получаю своё «отлично».

Настроение прекрасное. Ждать очереди пришлось довольно долго, хоть моя фамилия и на «А», но так распределили. Да ещё и зачёт начинался с обеда, так что когда я спускаюсь с высоких ступеней парадного входа университета, на улице уже начинает смеркаться. Но как дышится замечательно! Тепло, сухо, а запах золотой осени кружит голову. Обожаю осень, она очень яркая и на ароматы, и на краски, и на эмоции.

Мама должна была забрать меня на машине, но потом у них с отцом возникла неожиданная важная встреча. Я написала ей, что возьму такси, к тому же ещё нужно заехать к Машке – давно обещала её маме прийти на ужин. Тем более, завтра только к четвёртой паре.

Я останавливаюсь на тротуаре, немного отойдя от двора университета. Достаю телефон, чтобы вызвать такси. И как-то даже не сразу понимаю, что происходит. Вскидываю глаза уже когда рядом с моими ногами резко тормозит большой чёрный внедорожник.

Резко охаю, едва не выронив телефон, когда распахивается задняя дверь.

– Привет, Принцесса, – меня опаляет знакомым тёмным взглядом. – Прокатимся?

Ни что-то сделать, ни ответить я ничего не успеваю. Миксаев выбрасывает вперёд руку и, схватив меня за запястье, резко дёргает в машину.

Глава 5

Первое ощущение – мягкость сидения машины под локтями и коленками, когда я оказываюсь в салоне. Перегнувшись через меня, парень захлопывает дверь, и машина быстро стартует по дороге.

Мысли в голове начинают вращаться с невероятной скоростью. Господи! Божечки! Я пропала!

Быстро моргаю, пытаясь остановить головокружение. Страх топит вязким болотом, в груди зарождается крик и тут же глохнет, упёршись в ком в горле.

– Выпусти меня! Выпусти! – вжимаюсь в дверь спиной, обхватив себя руками. – Слышишь? Сейчас же выпусти!

Страшнее моего самого жуткого кошмара. Реальность. Меня затащили в машину и куда-то везут.

– Выпусти, пожалуйста! – крупная дрожь охватывает плечи. Мне страшно. Очень-очень.

– Эй, ты чего такая пугливая? – Миксаев улыбается и протягивает ко мне руку, прикасается согнутым указательным пальцем к щеке, проводит до подбородка. – Всё же хорошо, Принцесса. Просто хочу провести с тобой время. Ты мне понравилась.

Зажмуриваюсь, сжимаясь ещё сильнее от его прикосновений. Не надо. Не трогай, меня. Не прикасайся!

– Совсем сдурел? – крик всё же прорывается из меня и топит инстинкт самосохранения. – Ты больной придурок! Ты меня похитил! Сейчас же выпусти меня! Открой дверь!

– Окей.

Козёл прищуривается, а потом переклоняется через меня и дергает ручку, распахивая двери на скорости. Ветер бьёт в лицо и глушит, сердце в диком страхе подскакивает к самому горлу. Я на инстинктах тут же со всей силы вцепляюсь пальцами в его куртку и громко кричу.

Через пару секунд невероятного ужаса он снова захлопывает дверь и хватает меня больно пальцами за щёки, приближая своё лицо.

– Замолчи, – говорит резко, при этом абсолютно не меняясь в лице, а я тут же по его команде проглатываю все звуки. – Прекрати истерику и успокойся.

Он отпускает меня и снова расслабленно откидывается на спинку сидения. А я сжимаюсь, обхватив себя за плечи, мне хочется уменьшиться и исчезнуть, вдавиться в сидение, стать незаметной. Чувствую, что начиню плакать. Щёки жжёт солью там, где он надавил. Мне страшно. Он обидит меня. Сделает больно. Поиграется. А потом что? Отпустит? Господи, что я такого ему сделала?

– Пожалуйста, отпусти меня, Влад, – когда к человеку обращаются по имени, это же должно как-то очеловечить его? – Пожалуйста.

Я говорю тихо, больше не кричу, не ругаюсь. Я просто прошу. Унизительно умоляю, пытаясь воззвать к его человечности. Не может же парень, наделённый таким талантом, наполненный даром, слагающий такие тексты для песен, быть столь жутким чудовищем. Или может?

– Зачем я тебе, Влад? Скажи, зачем? – сдержать всхлип уже не получается. – Со мной скучно, неинтересно и…

Миксаев поворачивается и секунду внимательно всматривается мне в глаза. У меня даже проскальзывает мысль, что он внял моей просьбе, что я смогла достучаться.

Смотрит своей чернотой. Красивый, идеальный, как с картинки. С того постера, что висит у Машки возле кровати. Идол для многих и демон персонально для меня.

Он резко подаётся вперёд, отчего я дёргаюсь, едва не стукнувшись головой о панель возле окна. Но удара не происходит, потому что в волосы мне ныряют длинные пальцы, фиксируя затылок.

– А ты как думаешь, Принцесса, чего я хочу? – произносит на ухо, потёршись своей щекой о мою. – Тебя хочу. И мне кажется, что с тобой может быть очень даже интересно.

– Тысячи готовы тебе в рот заглядывать, только пальцем помани, – отвечаю, чувствуя, как голос предательски дрожит. – Почему я? Я не хочу, Влад, пожалуйста, не надо, отпусти меня.

– Тысячи – потом, а сейчас я хочу тебя, Синеглазка, – упираюсь ему в грудь ладонями, но это ничего не меняет. Он не прижимает меня, но держит близко, затапливая все мои ощущения своим запахом и близостью, опаляет дыханием. – Ты сама дала мне импульс там, на концерте. Смотрела и смотрела своими синими глазищами. Чего же ты тогда хотела?

Едва не подпрыгиваю, когда ощущаю в ямке за ухом влажное касание. Не сразу понимаю, откуда проскакивает металлический звук – серьга в моей мочке столкнулась с пирсингом в его языке.

– Ничего такого я не хотела, я просто слушала твою песню, как и многие другие.

– Не-е-ет. Это неправда, Леррра, – он на иностранный манер выговаривает «р» в моём имени, странно тянет его. Звучит пошло. – Даёшь сигнал – будь готова к последствиям.

Никакого сигнала я не давала, да если уж и говорить о сигналах, то несколько сотен других девушек в клубе сигналили куда сильнее. Но в ситуации этой ужасной оказалась я, и как выбираться – не знаю.

Миксаев отстраняется и смотрит вперёд через лобовое на дорогу. Я зажмуриваюсь, пытаясь сдержать новый поток слёз. Всё равно не отпустит. Моё спокойное беззаботное существование в один момент перевернулось, подпрыгнуло и с подачи ботинка Влада Миксаева покатилось стремительно вниз. И я не знаю, как это остановить, как отмотать день хотя бы на десять минут назад, а лучше до вечера субботы и не пойти в тот чёртов клуб.

Из горла рвётся тяжёлый всхлип, и вдруг я ловлю через салонное зеркало заднего вида взгляд парня за рулём. Страшное предположение, что развлекаться со мной они будут целой компанией, прошивает позвоночник страхом. Наверное, нужно было выпрыгивать в открытую дверь, когда Миксаев пугал меня. Наверное, лучше умереть или сломать себе шею, чем вытерпеть такое. Я всё равно потом жить не смогу. Не смогу!

К чёрту сдержанность! Я всхлипываю, закрываю лицо руками и начинаю громко рыдать. Пусть радуются.

– Эй, ты чего, Принцесса? – с притворным участием спрашивает Влад, отняв мои ладони от лица. – Морика испугалась? – кивает на водителя. – Не бойся, ты только для меня. Только моя, Леррра.

И улыбается своей покоряющей, лучезарной улыбкой, от которой Машка, будучи в расстёгнутом топе, едва не потеряла сознание от радости. Улыбкой, от которой я готова лишиться чувств от страха. Пусть бы так и было – выключиться и проснуться уже на обочине, куда он меня потом выбросит.

У Влада звонит телефон. На его резкое «Да» в трубке кто-то громко и долго говорит, Миксаев молча слушает, заметно мрачнея.

– Я сегодня занят, – надежда вспыхивает и тут же гаснет. – Сильно. До самой ночи.

Сердце ухает вниз. До самой ночи он меня не отпустит. А то, что отпустит, уже сложно будет назвать прежней мной.

– Твою мать.

Он передаёт телефон парню за рулём, тот коротко кивает и резко разворачивает автомобиль. Я вижу, что они оба злятся. Молчу, забившись в угол. Минут через десять мы тормозим возле каких-то гаражей за стройкой. Терзающий меня и до этого жуткий страх становится почти осязаемым.

– Сиди, – отрывисто бросает Миксаев, засовывает себе в карман джинсов мой телефон, который я обронила, когда он втащил меня в машину, и оба парня выходят из машины.

Надежды мало, но как только они скрываются за поворотом первой постройки, я судорожно дёргаю за ручку. Заперто! Ну конечно. Ключей в замке зажигания они предусмотрительно не оставили. И почему я не умею заводить машину как в фильмах – оборвав и замкнув провода?

Ничего острого или режущего не нахожу, и всё, что мне приходит в голову использовать в самообороне – карандаш. Жалко и глупо, знаю. Но его хотя бы можно попытаться воткнуть в глаз, и вдруг посчастливится убежать, пока мой обидчик будет в болевом шоке.

Однако же, даже будучи в страхе и панике, я прекрасно осознаю, насколько тщетны мои попытки себя защитить.

Возвращается Миксаев один минут через пятнадцать. Я инстинктивно вцепляюсь пальцами в сидение. Если он пришёл за мной, то ему придётся меня отдирать, сама я не двинусь.

Но он молча садится за руль и выезжает на дорогу. Смотрит внимательно, ведёт тоже спокойно. Я бы даже сказала аккуратно.

– Влад, – предпринимаю ещё одну попытку. – Пожалуйста! Я хочу домой.

– Я тебя домой и везу, – отвечает абсолютно безэмоционально.

Я недоумеваю, не верю, но замолкаю. Сижу почти не двигаясь.

И Миксаев действительно привозит меня к моему дому.

– До встречи, Синеглазка, – он поворачивается, подмигивает и улыбается.

Не могу поверить, что он меня отпускает. Даже, кажется, мямлю «спасибо» и, едва щёлкают замки на дверях, выскакиваю из машины. Добегаю до забора, трясущимися руками отпираю замок, захлопываю высокую металлическую калитку за собой, несусь к двери дома, то же проделываю и с ней. И уже в гостиной оседаю на пол, закрыв ладонями лицо. Господи! Какой кошмар! Этот парень сумасшедший! Псих! Больной! Протащил меня морально через ад, а потом просто привёз домой. И адрес я ему, кстати, не говорила.

Глава 6

Влад

– Микс, ты придурок. Что за новые правила не курить в машине? – через зеркало вижу, как за рулём Кот морщит рожу. – У меня уши уже опухли. И вообще, садись сам за руль, водилу нашёл, что ли.

– Угу.

Заднее сиденье ещё хранит запах волос девчонки. Пусть побудет, нехрен дымить в салоне.

Я разваливаюсь спиной вдоль сиденья, вытянув ноги и уперев ботинки в светлую обшивку потолка. Батины шестёрки отмоют. Кручу в руках маленький разноцветный шарфик, который слетел с Принцессы. Роняю его себе на лицо и глубоко вдыхаю. Мм… Рот сразу наполняется слюной, а член в штанах дёргается. Охренительно…

Она пахнет реально охренительно. Не душным бабским парфюмом, а тонко и нежно. Пахнет сама её кожа. Вчера чуть слюни на плечо ей не пустил, когда прижался. Испугалась. Так и задумано, маленькая моя, иначе же совсем не интересно.

Маленькая, хорошая, домашняя девочка. Девки любят прикидываться невинностью, глазёнками своими хлопать, завлекать. А эта нет. Я понял сразу. Не знаю, каким-то шестым чувством ощутил ещё со сцены. Вчера в машине смотрела своим щенячьим взглядом. Отпустить просила. Будет знать, как не слушаться мамочку и папочку и выходить из дома поздно, ходить по клубам и стрелять своими синими глазищами.

– Кот, поехали к Вике, – комкаю маленькую цветастую тряпку.

– Ты ж не трахаешься во время охоты, Микс, – ржёт Котяра. – Настрой сбивать не хочешь.

Так и есть. Иначе в чём прикол добиваться обладания чем-то, если ты в этом не нуждаешься? К приёму пищи лучше быть голодным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.